

Хуторная Елена

Я зову тебя

12+

сборник рассказов

Елена Хуторная

Я зову тебя

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Хуторная Е.

Я зову тебя / Е. Хуторная — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Сборник рассказов обо всем хорошем, что есть в жизни - о любви, душевном тепле, романтике, о волшебстве и вере в лучшее.

Содержание

Храню тебя на память	5
За чашкой кофе	10
Притча	12
Три свадьбы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Храню тебя на память

Храни меня на память

Храни меня на память в нафталине.

Люби меня заочно по открыткам.

Найди предлог и спутай моё имя.

Порви мои признанья на обрывки.

Прочти мои стихи и не узнай их.

Уйми своё дыхание – так проще.

Любовь про нас давно уже всё знает,

Но узел разрубить никак не хочет.

И третий ни к чему, он просто лишний

Среди никем не принятых «а если...».

Но наше уравнение, так вышло,

Решилось и без прочих неизвестных.

Фаттахов С.

Мне было шестнадцать, а Ване семнадцать. Но выглядел он на все двадцать, а все наверняка помнят, какими в том возрасте двадцатилетние «дяди» казались взрослыми. И был он ослепителен практически в буквальном смысле слова, потому что смотреть на него действительно было невыносимо – до того он был хорош собой. Классический красавец во всем: высокий, широкие плечи, узкие бедра, плоский живот в кубиках мышц, соломенная челка падает на голубые глаза и ямочки на щеках – такие не по-мужски обаятельные, но казалось, полмира можно было отдать за эти ямочки! Все это Ваня прекрасно о себе знал и не то что не скрывал, а с удовольствием демонстрировал, правда, самодовольство его было таким щенячьим, совсем еще мальчишеским и было настолько лишено какого-либо высокомерия, что совсем не вызвало раздражения, а даже напротив казалось в высшей степени умилительным.

Девочки говорили о нем с придыханием, краснели от его заигрываний, фотографировались с ним как с местной достопримечательностью, даже пионервожатые и те пребывали под впечатлением от его обаяния, да и как иначе! Мужского в Ване, несмотря на его несерьезные ямочки, было через край, и если даже я, все еще пребывающая в состоянии глубокого сна Спящая красавица, не смогла не заметить этого, то что говорить обо всех остальных, кто давно уже обладал гораздо более обширным опытом общения с мужчинами.

Правда, надо заметить, что несмотря на всю свою неразбуженность, я тоже по мере сил принимала участие в межполовых играх, однако все они сводились к безмолвным переглядываниям с Эдиком из другого отряда, который так и не осмелился даже пригласить меня танцевать, да одностороннему диалогу с еще одним персонажем, который на всем протяжении поездки изводил меня тем, что когда я проходила мимо, обзывал меня каким-нибудь длинноногим или длинношеим животным. Это сейчас я понимаю, что так он скорее всего выражал свою глубокую симпатию ко мне, но тогда злилась из-за этого безмерно, считая, что ничем не заслужила такого отношения.

Однако вернемся к нашим красавцам. Была у нас в отряде девочка просто идеально хорошенькая, на мой взгляд, я заглядывалась на нее так же, как на Ваню, разве что стеснялась ее гораздо меньше. Вот такой, думала я тогда, и должна быть женщина: невысокого роста, с длинными белокуро-вьющимися волосами, голубыми глазами и очаровательной улыбкой. Присутствовали, конечно, в ее характере некоторые недостатки в виде мелкой стервозности

и лицемерия, но они казались мне гораздо меньшим злом, чем мои сто семьдесят с лишним сантиметров, абсолютно прямые русые волосы и неспособность общаться с лицами противоположного пола. А как Оля прильнула к Ване, когда фотографировалась с ним на ярком черноморском пляже! Ну что могло быть прекраснее, чем эти двое, совпавшие всеми идеальными частями своих практически обнаженных тел – одинаково привлекательные, обаятельные и желанные для всех! Мне было очень удивительно, что у них не зашло дальше этого совместного позирования, причем случилось это вовсе не из-за Оли, которая ради Вани готова была на все, а из-за Вани, который избрал для себя целью совсем другую девушку.

Что он в ней нашел? – не давал мне покоя вопрос. Маленькая, еще ниже Оли, с простым веснушчатый лицом и косой до попы, тихая, почти незаметная. Правда, после общения с ней сразу становилось ясно, что она далеко не так слабовольна и безропотна, как казалось на первый взгляд, но все равно: Ваня мог выбрать любую – любую! – красавицу в нашем пионерлагере, но почему-то остановил свой выбор именно на Кристине. Только имя и было у нее красивое, хотя и совершенно не шло ей.

Примерно в середине смены все старшие отряды собрали и отправили в поход на Солнечную поляну, где в свое время вроде бы снимали какой-то очень известный советский фильм типа «Бриллиантовой руки». Шли мы несколько часов по жаре: по лесу, по устью пересохшей реки, по засыпанной камнями равнине – испытание оказалось нелегким для всех нас, городских жителей, прямо скажем не привыкшим к таким длительным, изнуряющим перегонам. Однако и когда мы оказались на месте, испытания не закончились: как всегда возникла грызня из-за распределения мест в палатках. Одну девочку девчонки довели до слез, открыто заявив ей, что не желают жить с ней под одной палаточной крышей.

Правда, Настя и в самом деле была какая-то странная: не по годам развитая, но при этом отталкивающая в своем высокомерии, причем это и без того неприятное чувство многократно усиливалось впечатлением от ее некрасивой внешности и совершенного отсутствия вкуса во всем. И как еще к ней можно было относиться, если одновременно с этим она была уверена, что совершенно неотразима и что все должны буквально поклоняться ее красоте и уму? В общем, не так что бы совсем уж незаслуженно ее обидели, но все-таки ей тогда пришлось несладко. Сдается мне, то пребывание в пионерлагере вообще много на что открыло глаза всем нам.

Когда вопрос с расселением все-таки утрясся – к моему большому тайному облегчению Настю все-таки разместили не в нашей палатке – оказалось, что к нам подселили Ваню с его верным другом, которого тоже звали Ваней. Был этот второй Ваня так же высок, как первый, но при этом худ, черноволос и молчалив – одним словом, практически полная противоположность своему другу. Видимо, именно поэтому из них двоих и получились такие отличные друзья.

Мне до сих пор непонятно, как Ваням разрешили ночевать вместе с нами, девочками – это же все равно что пустить пару козлов сами знаете куда! И тем не менее. Вероятно, пионервожатые понадеялись на свою бдительность.

Вечером долго жгли огромный костер и пели песни под гитару, но я не дождалась завершения посиделок и чуть ли не раньше всех ушла спать.

Ночью проснулась, потому что жутко хотелось в кусты. Было тихо и хоть глаз вырви темно: не имело никакого значения, были глаза закрыты или открыты, результат один и тот же – не видно ни зги. Я лежала в дальнем углу довольно обширной палатки и не испытывала никакого желания пробираться к выходу на ощупь между спящими телами, однако поворочавшись какое-то время, поняла, что если я хочу снова уснуть, то преодолеть этот путь мне все-таки придется. В этот же момент вдруг раздался шепот пионервожатой, призывающей всех желающих воспользоваться открытым выходом на природу, и я наконец решила.

Метра полтора мне удалось преодолеть никого не задев, и я уже было обрадовалась тому, что цель близка, как вдруг почувствовала, что переступив через что-то, я оказалась сидящей на чем-то, причем несмотря на полное отсутствие какого-либо опыта, было ясно как день, что

это что-то является мужским телом. И у меня не было никаких сомнений, что оно принадлежит именно Ване – тому самому, у которого широкие плечи и несерьезные ямочки, причем к моему ужасу я вдруг поняла, что он тоже проснулся и, легко пробежавшись по мне пальцами, быстро нашел мою ладонь, как будто мог по ней определить, с кем свела его судьба в этой крошечной темноте. Когда он взял мою руку в свою, я замерла. Его рука была прохладной, и мне не хотелось убирать из нее свои горячие пальцы, а когда он провел по ним легко и ласково, будто обнял, и вовсе захотелось окунуться в это ощущение и оставаться в нем будто в прохладной воде жарким днем.

– Кто еще пойдет на улицу? – прошептала пионервожатая, и я тут же очнулась, заспешила, устремившись к выходу. Ваня, не отпуская меня, скользил по моим пальцам до самых кончиков, но прохлада стекла с них до последней капли, и я наконец оказалась в темных предрассветных сумерках.

На обратном пути обошлось без приключений, а когда я проснулась, Ваня в палатке уже не было. Сходила умылась, пришла к нашей походной кухне, где пионервожатые уже варили кашу на завтрак. В кипящую воду выливали сгущенку из жестяных банок – не дай бог увидеть такое зрелище тем, кто ел ее только по большим праздникам да и то не вдоволь, а лишь чудом урвав пару ложек манны небесной перед тем, как всю ее отправляли на производство крема для торта. Сейчас смешно вспомнить, но тогда, на Солнечной поляне, провожали каждую ее каплю со вселенской тоской во взоре.

Тем не менее, я тут же забыла про сгущенку, когда в поле видимости вдруг появился Ваня и непринужденно, будто делал это каждое утро, сел рядом со мной на бревно, коснувшись меня боком.

– Привет, – улыбнулся он мне своими ямочками.

– Привет, – ответила я ошарашено, хотя и сделала вид, что так и надо.

– Как дела? – продолжал он лукаво коситься на меня.

– Нормально, – посмотрела я перед собой, потому что смотреть на него, сидящего так близко, не было никаких сил.

Он помолчал какое-то время, глядя как пионервожатая мешает в котле черпаком. Боку было тепло от его тепла.

– Ты же тоже ночевала в крайней палатке? – спросил он меня.

– Да, – ответила я, снова отводя взгляд.

– Давайте я помогу, – вдруг сказал он и встал с бревна.

Бок провалился в пустоту.

Ваня забрал у пионервожатой черпак и стал мешать им, пока та сыпала в котел крупу.

Когда вернулись обратно в лагерь, у Вани появилось новое увлечение – брать девочек за руки, рассказывая им при этом, что это поможет определить таинственную незнакомку, которая явилась к нему ночью на Солнечной поляне. Конечно, девочки были только рады поучаствовать в конкурсе на Золушку, поэтому охотно давали ему свои ладошки, причем часто не по одному разу, против чего сам Ваня, конечно, нисколько не возражал.

Однажды я в ожидании, пока отряд соберется после завтрака, чтобы идти на пляж, стояла на террасе перед столовой, а Ваня в это время о чем-то говорил со вторым Ваней на дорожке, проходящей под террасой. Вдруг он поднял голову и увидел меня. Улыбнулся пронзительно своими ямочками, так что сердце свело судорогой, но взгляда я на этот раз почему-то не отвела. Он вскинул вверх руку:

– Дай мне свою руку, – сказал он.

– Зачем? – спросила я.

– Дай, – требовательно повторил он.

– Зачем? – снова спросила я.

– Ты чего такая дерзкая, а? – тряхнул он головой, отбрасывая сползшую на глаза челку и продолжая сиять ямочками. – Дай, сказал!

Не знаю, что за ступор на меня нашел, может, я растерялась от неожиданности, а может, помешало воспоминание о том, скольких девочек он уже вот так перетрогал. Хотя, наверное, еще чуть-чуть, и я тоже протянула бы ему руку, но тут его окликнул второй Ваня и настойчиво потянул за собой, когда тот попробовал проигнорировать его призывы. В конце концов Ваня все-таки последовал за другом и своим отрядом, который пионервожатые наконец повели на пляж, но в последнюю секунду он обернулся ко мне и крикнул:

– Все равно найду тебя – так и знай!

Мне тоже пора было идти. Отходя от ограждения террасы, я поймала на себе быстрый и как всегда неопределенный взгляд Эдика. А когда проходила мимо второго моего «поклонника», тот как всегда зло и презрительно прошипел мне почти в самое ухо:

– Страус.

Своего обещания Ваня не сдержал.

Дни истекали, до конца смены оставалось все меньше и меньше времени, наконец наступил последний вечер перед отъездом. Устроили большой праздник на прощание, Ваня и наша руководительница кружка танцев танцевали на нем румбу. Как они двигались! Казалось, все в душе, а местами даже в теле двигается вслед за ними. Мне тут же захотелось вернувшись домой тоже обязательно научиться танцевать так же, а пока я сидела и глаз не могла отвести от Вани, одетого во все черное, с расстегнутой до самого пояса рубашкой.

Следующим утром их отряд уехал одним из первых, а нас повезли на вокзал только спустя два часа. Моему удивлению и отчасти радости не было предела, когда оказалось, что Ваня со своим отрядом и сопровождающими до сих пор ждут своего задерживающегося поезда. Правда, рассчитывать на какое-либо внимание с его стороны по-прежнему не приходилось, поэтому я вместе с девчонками прошлась по киоскам, покупая в дорогу лимонад и пирожки, а потом устроилась на каменном возвышении, на котором стояло здание вокзала, ожидая, пока соберутся все остальные.

Сюда же начал стекаться и Ванин отряд – вроде бы наконец объявили посадку на их рейс. Ваня стоял совсем недалеко от меня, как всегда дурачился, откидывая назад падающую на глаза челку и сияя своими ямочками направо и налево, и я от нечего делать наблюдала за ним, стараясь однако не слишком афишировать свой интерес.

– Лена! – вдруг услышала я оклик своей сопровождающей.

Видимо, она звала меня не в первый раз, но я была настолько поглощена подглядываниями за Ваней, что не слышала ее, пока она не крикнула так громко, что на нас все обернулись.

Я вздрогнула, посмотрев на нее, и собралась было подскочить на ноги, чтобы пройти к лестнице и по ней спуститься с возвышения, на котором сидела, но вдруг увидела под собой Ваню, протягивающего мне руку. Оперлась на нее и спрыгнула на асфальт. Уже собралась поблагодарить его и отнять руку, как вдруг поняла, что он не отпускает ее. Я посмотрела на него, и в душе снова все схлестнулось: в его ямочках все еще таились остатки смеха, но в глазах плескалось удивление, а на его волнах раскачивался большой, все заслоняющий собой знак вопроса. И рука у него снова была прохладной, и он мимолетным узнавающим движением скользнул по моим горячим пальцам уже на пути к расставанию, потому что я выскальзывала, пока прохлада снова не стекла с них до последней капли.

Я зашла в вагон, не обернувшись. Поезд тронулся.

Ну почему я не сделала этого? – много раз бился во мне вопрос.

Но не сделала чего? Не призналась ему, что я была той самой Золушкой? Не попыталась целенаправленно обратить на себя его внимание? А зачем? – снова упиралась я в вопрос, который когда-то задала самому Ване. Той мне, шестнадцатилетней, неопытной, неискушенной, это ничего не дало бы. Всегда понимала это и все равно жалела непонятно о чем.

А теперь, тринадцать лет спустя, смотрела на его фотографию, на которую наткнулась в анкете у одного из своих друзей на одноклассниках. Я уже не неопытная и неискушенная девчонка – напротив. И теперь так просто сделать все то, что не было сделано тринадцать лет назад на берегу Черного моря. Открыть окно сообщения, написать: привет, Ваня. Он, конечно же, ответит мне, потому что увидит мои фотографии, которые наверняка ему понравятся, потому что они всем нравятся. И будет так просто говорить с ним о чем угодно, флиртовать и вести его в нужном направлении. Владеть его ямочками, голубыми глазами и непослушной челкой. И даже то, что он живет в другом городе, в общем-то, не является большой проблемой.

Я снова вспомнила ночь в палатке и то, как он обнял своей рукой мою руку. Закрывает окно сообщения, вышла с сайта. Оказывается, некоторые моменты в жизни совсем не нуждаются в том, чтобы их исправляли.

За чашкой кофе

Зашла в кофейню, чтобы погреться и хоть немного посидеть, ни о чем не думая и не вопрошая себя внутренне, что опять я сделала не так. Ведь знала же, что все так, потому что если что-то происходит, значит, это нужно зачем-то, вот только зачем? Зачем опять эти проблемы, несостыковки? Вроде бы ничего фатального, но почему нельзя обойтись без этих заминок, этого беспокойного ожидания, чтобы просто все сложилось и можно было идти дальше, думать о другом? Вот, опять я начала, поймала я себя на знакомых переживаниях.

Взялась за меню, долго бродила глазами по страницам, не давая сквозь названия блюд и напитков пробиваться распиравшей меня обиде на жизнь. Наконец поняла, что не хочу есть, и сделала официантке свой обычный заказ – латте с корицей.

В кофейнях всегда приятно находиться – что бы ни было на душе, ход мыслей замедляется, интенсивность переживаний снижается. Можно откинуться на мягкую спинку кресла, чувствовать руками деревянную поверхность стола. Приглушенные звуки, приятная музыка – на этот раз Delegium, – почти незаметная суэта официантов. Посетители, занятые своими блюдами, напитками и разговорами.

Я наконец поняла, что не так с двумя, сидящими у окна, – этот вопрос настойчиво пробивался сквозь весь мой мысленно-чувственный сумбур с того момента, когда они в первый раз попали в мое поле зрения.

Они сидели за разными столиками, спиной друг к другу. Казалось, и он, и она были поглощены собственными мыслями, вполоборота повернувшись к широкому окну. Перед ней фруктовый чай и пирожное, на его столике только минеральная вода и телефон. Однако при этом они сидели слишком симметрично, слишком близко друг к другу, чтобы можно было поверить, что они не имеют друг к другу никакого отношения.

Стройная, стильная фигура девушки, длинные волосы, длинные пальцы с красивым маникюром. Коротко стриженный затылок мужчины, накаченные плечи. Оба в сером. Хорошо носить серый, имея такие фигуры, – несмотря на невзрачность цвета, никогда не останешься незамеченным, а даже наоборот, скромность цвета словно подчеркивает нескромную соблазнительность фактур под ним.

Невольно поискала обручальное кольцо на руке мужчины – старый, как мир, сюжет: она, легкая и пленительная, и он, уже обремененный многолетними обязательствами, но все еще не потерявший вкус к жизни.

Да, все-таки они были вместе. Придвинувшись еще теснее спинками кресел друг к другу, и, кажется, делая вид, что говорят по телефону, они говорили друг с другом.

Такие знакомые переживания – ощущение того, что ты нравишься, что вас, без всяких сомнений, влечет друг к другу. Уверенность в своей красоте, привлекательности, в своих силах. В свои двадцать с небольшим ты можешь уделять этому столько времени и внимания, сколько хочешь, потому что у тебя есть только ты, по сути, и никого больше. И еще есть он. Можно думать о нем, ждать от него звонков, готовиться к очередной встрече с ним, рассказывать о нем подругам. Никаких мужей, детей, домашнего хозяйства...

Где мой кофе? – вдруг спохватилась я. Оглянулась по сторонам, ища глазами официантку. Посмотрела на часы. Даже в те моменты, когда можно было никуда не торопиться, не получалось надолго забывать о времени. Наконец расслабилась – я же никуда не спешу. Надо, в конце концов, учиться расслабляться хотя бы в такие моменты.

Девушка собралась уходить. Рассчиталась за себя сама. До сих пор не знаешь, чувствовать из-за этого уязвленность или гордость. Никаких объятий, поцелуев – просто ушла, а он остался и вскоре оказался поглощен общением с подошедшими друзьями – такими же бородато-брутальными личностями, как он сам. И хотя я по-прежнему оставалась сидеть недалеко

от него, мыслями проследовала за ней – вслед за ее миром, в котором не было мужей, детей и домашнего хозяйства, зато были разговоры с подругами, подготовки к встречам, ожидание звонков...

Мне наконец принесли кофе. Хотела высказать официантке тоном и взглядом свое недовольство долгим ожиданием, но она так мило мне улыбнулась, и тут же я увидела такой чудесный рисунок, нарисованный на молочной пенке, что все мое недовольство покрушилось внутри меня мелкими кусочками и сквозь мрачную стену обиды на жизнь наконец выглянуло солнце.

Вкус кофе, запах корицы, нежность молочной пены. Возможность сидеть и просто пить латте с нарисованным специально для тебя цветком. И уйти после этого не в мир бесконечного ожидания какой-то лучшей жизни, а к работе, которую любишь. К человеку, который рядом, когда это нужно. К ребенку, который дарит столько радости и нежности, что это определенно стоит всех затраченных усилий и бессонных часов.

Пришла смс-ка, и я потянулась за телефоном. Упали деньги на счет – решился мой вопрос. Сейчас, когда я уже успокоилась, это даже не вызвало во мне той радости, какой эта перспектива стоила, на мой взгляд, еще только полчаса назад. Это и к лучшему – чрезмерные эмоции всегда только мешают.

Кофе выпит, пора было уходить.

Когда выходила из кофейни, проследила глазами за своим отражением в окне – таки да, я тоже все еще неплохо выгляжу в сером.

Притча

Жила-была травинка. Она росла на вершине пологого холма, откуда открывался чудесный вид на долину. Днем ей светило солнце, ночью луна, было тепло, влажно и уютно среди других травинок, и все-таки ей не давала покоя мысль, что есть на земле что-то более интересное и увлекательное, чем ее травинная жизнь. «Да вот быть хотя бы божьей коровкой! – восторженно думала травинка. – Я могла бы летать, где хочу, столько бы всего увидела, столько бы узнала, у меня были бы такие замечательные яркие крылышки!» Травинка изо всех сил тянулась вверх и действительно выросла чуть выше всех остальных, так что даже смогла окинуть взглядом окрестности, но тут пришла осень, она завяла и умерла.

В следующей жизни она родилась божьей коровкой. Пригревало солнце, трава и цветы радовали своими красками, и было так здорово нестись над землей, чувствуя бодрое трепетание крыльев, но ей никак не удавалось подняться выше хотя бы деревьев, растущих на краю луга. Как только она поднималась до середины кроны, голова начинала кружиться и приходилось возвращаться поближе к земле – и почему только она не птица? Как же высоко они летают и живут, говорят, несравненно дольше божьих коровок...

Это был самый бодрый воробей из всей стаи. Быстрый, звонкий, он умел найти самые хлебные места, самых крупных червяков, все воробьихи заглядывались на него, считали его безрассудным смельчаком, умным и предприимчивым везунчиком. Казалось, он всегда выйдет сухим из воды, даже из самых критических ситуаций, как например, на днях, когда он чудом успел увернуться от большой черной кошки, давно караулящей его. «Я тебя все равно достану», – читалось в ее желтых глазах. «Не достанешь», – вспархивал он из-под самого ее носа. Воробьихи восторженно ахали, воробьи постарше неодобрительно качали головами. «Ты будто специально нарываешься», – ворчала мама. Он не нарывался. Ему просто очень нравилось думать, что он нисколько не хуже пушистой желтоглазой зверюги с сильными лапами и острыми когтями.

«Кс-кс-кс», – раздалось из соседней комнаты. А, ну конечно, сейчас все брошу и побегу, лениво махнул он длинным пушистым хвостом. Мало того, что кормят этими сухими несъедобными комками, не разрешают ходить по столу и точить когти о деревянный косяк, так еще и ждут, что он будет прибегать по первому зову. В следующую секунду где-то совсем близко раздались шаги, смываться было поздно. Длинные белые безволосые лапы протянулись к дальнему углу полки в шкафу, у которого была отломана дверца... Черт, и это убежище вычислили. Он вцепился когтями в хозяйское плечо и обреченно подставил спину под ласковые поглаживания. Конечно, это здорово, что не приходится добывать себе на пропитание самостоятельно, и можно позволить себе спать по шестнадцать часов в день, но все-таки именно люди правят миром, и если уж родиться кем-то, то только вот этими безволосыми, бесхвостыми, ходящими на двух лапах.

Васе снилось, что он видит в темноте и может передвигаться бесшумно как кошка, и эти ощущения казались ему такими знакомыми, будто он и правда знал, что такое быть в кошачьей шкуре. Но пожалуй, это было единственной его особенностью, отличавшей от других людей. В остальном как он ни старался, все у него было как у всех: какая-никакая работа, семья, рыбалка по выходным. Кто-то другой сколачивал состояния, вел за собой толпы людей, ездил на лимузинах и тратил бешеные деньги на развлечения – и почему только одним дается все, а другим только и остается, что следить за ними с завистью и восхищением?

Аня родилась в семье преуспевающего бизнесмена и известной певицы. С самого детства у нее было все, чего только она ни пожелает: игрушки, наряды, драгоценности, поездки за границу, общение с самыми знаменитыми людьми страны да и что скрывать, мира! К ней все благоговели, потому что ей посчастливилось родиться не только умной, но еще и очень

красивой девочкой, и к тому времени, когда ей исполнилось шестнадцать, вся планета лежала у ее ног. Она с одинаковым успехом пела, снималась в фильмах, вела не самые глупые ток-шоу, а когда ей все это надоело, она подалась в бизнес и быстро преуспела в этом деле тоже, открыв сеть магазинов модной одежды. Ее одолевали поклонники, прохода не давали журналисты, все звезды хотели заполучить ее на свои вечеринки, продюсеры приглашали ее в свои фильмы, певцы предлагали спеть дуэтом, журналы пестрели фотографиями с ее изображением. К двадцати трем годам у нее было уже два нервных срыва, она перепробовала все существующие на свете наркотики, лечилась от алкогольной зависимости, и наконец однажды ей пришло письмо с угрозами от какого-то маньяка, который сообщал ей в своем послании, что или она будет с ним или не достанется никому. Аня поняла, что больше не хочет выходить на улицу. Не хочет никого видеть, ни с кем разговаривать, не хочет петь, сниматься в кино, вести ток-шоу и делать эскизы платьев для летней коллекции. «Вот бы стать маленькой травинкой, – подумала она, забившись в угол своей роскошной квартиры. – Маленькой зеленой травинкой. Греться на солнышке, смотреть в небо и тихо умереть в конце лета...»

Три свадьбы

Март

Это моя двадцать первая свадьба. Я как всегда бесподобна, и свою невесту, хоть собственной красотой она и не вышла, здорово украшаю и делаю почти симпатичной, уж не говоря о том, что только благодаря мне она сейчас не клацает зубами от холода как остальные гости. Все-таки не месяц май, о чем только думали вот эти, когда наряжались в свои шелковые платья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.